

Magdalena Romanowska
Kraków

Евангелие от Иоанна Бездомного

Роман Михаила Булгакова *Мастер и Маргарита* считается одним из самых сложных произведений ранней советской литературы. Это одновременно гротескно-фантастическая сказка о добре и зле, лирическая поэма о большой любви, философско-религиозные размышления о жизни и смерти.

В статье мы постараемся ответить на вопрос, кто является автором первого антиевангелия в романе Булгакова *Мастер и Маргарита*. Ведь именно вопрос о Иисусе Христе является центральным для понимания этого романа. Уже с первых страниц мы встречаемся с постановкой евангельского вопроса: что вы думаете о Христе? чей Он сын? (Мф 22, 42). Ответ на этот вопрос определяет все дальнейшие события романа.

Понимание Христа как правдивого Бога и человека является центральным для Христианства. Как пишет замечательный русский богослов Георгий Флоровский в статье *Жил ли Христос*:

И лик вочеловечившегося Господа прежде всего и начертан апостольской рукой в Евангелии. Это лик человеческий, но не только человеческий, ибо Иисус, которого многие видели и слышали, ходили за ним и обращались с Ним, был не только человек, но и Бог. Но Он был и действительный человек. Человек вполне и не только человек, – в сочетании обоих утверждений весь смысл, вся тайна Евангелия и проповеди апостольской¹.

Роман Булгакова *Мастер и Маргарита* начинается с разговора Михаила Александровича Берлиоза, председателя правления одной из крупнейших московских литературных ассоциаций, сокращенно именуемой МАССОЛИТ, редактора толстого художественного журнала, с молодым спутником – по-этом Иваном Николаевичем Поныревым, пишущим под псевдонимом Бездомный. Этот разговор посвящен Христу и *Евангелии*, позднее участником этого разговора становится Воланд, который предлагает свою версию *Евангелия*.

---

¹ Г. Флоровский, *Вера и Культура, Избранные труды по богословию и философии*, Санкт-Петербург 2002, с. 373.

Встреча на Патриарших Прудах была началом «странных событий», которые произошли в дальнейшем в Москве.

Редактор заказал для очередного издания журнала большую антирелигиозную поэму. Эту поэму Иван Николаевич сочинил, но Берлиоза не удовлетворило, что хотя Бездомный представил Иисуса, очень черными красками, но Иисус в его изображении получился, как подчеркивает Булгаков, «ну совершенно как живой, хотя и не привлекающий к себе персонаж». Бездомный изобразил Иисуса Христа реальным лицом, реально существующим человеком. И именно это не понравилось редактору.

Для Берлиоза, редактора толстого журнала, Христос является Богом и именно как Бог ничем не отличается от иных богов различных религий, Берлиоз не столько отрицает Христа, сколько религиозность. Ведь христианство только проявление одной из версий восточной религии, не содержащей ничего принципиально нового. Такая трактовка религиозного мифа подчеркивает прежде всего, что миф – это повествование о богах, духах, обожествленных героях и первопредках, возникшее в первобытном обществе. Мифам разных народов присущи сходные и повторяющиеся темы и мотивы.

Нет ни одной восточной религии, – говорил Берлиоз, – в которой, как правило непорочная дева не произвела бы на свет бога. И христиане, не выдумав ничего нового, точно так же создали своего Иисуса, которого на самом деле никогда не было в живых. Вот на это-то и нужно сделать главный упор...²

Берлиоз рассматривает христианство как один из вариантов многообразных проявлений восточной религии. Бездомный в своей поэме утверждает правдивость существования Христа, он создает исторический образ Иисуса. Этот, хотя и не привлекательный образ, все-таки свидетельствует о реальности Христа, вопреки главному редактору который отрицал саму возможность его существования.

Берлиоз же хотел доказать поэту, что главное не в том, каков был Иисус, плох ли, хорош ли, а в том, что Иисуса-то этого, как личности, вовсе не существовало на свете и что все рассказы о нем – простые выдумки, самый обыкновенный миф³.

Берлиоз вполне разделяет распространённое понимание мифа, согласно которому он есть произведение фантазии и вымысла. Бездомный в своей поэме раскрывает связь между Иисусом человеком и религиозными мифом. Поэт,

---

² М. Булгаков, *Собрание сочинений в 10 томах*, Москва 1999, Том 9, *Мастер и Маргарита*, с. 165.

³ Там же, с. 164.

представляя Иисуса как живого, воплощая Его пародийно в своей поэме, все-таки связывает религиозный миф с конкретно существующей личностью. Несмотря на то, что образ Христа Бездомным занижен, все таки миф может найти свое оправдание в конкретном воплощении, в реальности жизни Спасителя.

Ты, Иван, – говорил Берлиоз, – очень хорошо и сатирически изобразил, например, рождение Иисуса, Сына Божия, но соль-то в том, что еще до Иисуса родился еще ряд сынов божиих, как, скажем, фригийский Аттис, коротко же говоря, ни один из них не рождался и никого не было, в том числе и Иисуса, и необходимо, чтобы ты, вместо рождения и, скажем, прихода волхвов, описал нелепые слухи об этом рождении... А то выходит по твоему рассказу, что он действительно родился!⁴

Религиозный миф, как утверждает Берлиоз, не может воплотиться в конкретную историческую реальность, не может быть «телесно» осуществленным символом. Главный акцент он ставит на идеальной природе и сущности мифа. Берлиоз отрицает возможность некой двуплановости мифа: с одной стороны, миф как рассказ о конкретном историческом событии, воплощенном в реальные образы, а с другой стороны – миф как символическое отражение духовной, мистической действительности⁵. Берлиоз, утверждая мифичность христианства, отрицает существование Христа, историчность *Евангелия*. Религиозный миф понимается им как сказка (в лучшем случае) или как некогда придуманная нелепая история.

Вопреки научному атеизму главного редактора Бездомный в своей поэме косвенно подтверждает историчность евангельских событий. Миф открывается человеку как духовное, спиритуалистическое, метафизическое явление, но в реальной, чувственной, конкретной, образной форме. Именно эта конкретная воплощенность христианского мифа в поэме Бездомного вызывает критику редактора.

Если прием во внимание, что миф чувственно-конкретен, несмотря на, казалось бы, несовместимое сочетание духовного и телесного; тогда первый вариант пародии на *Евангелие* с которым встречаемся в повести Булгакова создан Бездомным. В дальнейшем мы видим развитие истории Иешуа в творчестве Мастера, но именно в творчестве Бездомного в первый раз встречаемся с реальностью живой исторической личности Спасителя. Ведь миф историчен, хотя и выходит за рамки исторического события, он, экстатичен, он открывает мистические планы бытия, сочетаясь с историчностью: Миф исто-

⁴ Там же, с. 166.

⁵ См. Н. Бердяев, *Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого*, Москва 1993, с. 265.

ричен, но не тривиален (то есть он не является обыденным), он всегда несёт «откровение» о потустороннем. Миф это информация о сверхъестественном⁶. Именно вскрытию демонического мистического плана бытия и посвящен в дальнейшем роман *Мастер и Маргарита*.

Можно утверждать, что именно Бездомный создает первую антиикону Христа. Ведь словесный образ, как замечает Владимир Лепяхин, можно рассматривать как вербальную икону⁷. Поэт стремится создать пародию иконичных образов лика Христа. В отличие от Берлиоза, который просто отрицает реальность Христа, Бездомный создает некий лживый Его образ. И в этом созвучен Воланду, не только подтверждающему существование Иисуса, но даже прибегающему к научному авторитету – он представляется как историк, стремящийся вполне объективно и научно передать истинный образ Христа, искаженный в последствии в *Евангелии*. «Часто утверждали, особенно историки старой школы, – пишет Флоровский – что в конечном итоге историками руководит желание “знать прошлое, как могли знать очевидцы”, т. е. стать в известном смысле только “свидетелями” событий прошлого»⁸.

Не случайно Воланд, защищает Бездомного. «Если я не ослышался, вы изволили говорить, что Иисуса не было на свете? спросил иностранец, обращая к Берлиозу свой левый зеленый глаз»⁹. Вопреки Берлиозу научно отрицающему существование Христа, именно наука, ее авторитет, как утверждает Воланд, подтверждает существование Иешуа. И здесь историческая критика *Евангелия* соприкасается с демонической интерпретацией. Воланд не сомневается в существовании Иисуса, он только не видит в нем Христа, ему важно подчеркнуть разрыв между реальным человеком Иешуа и искаженным его образом в *Евангелиях*.

Эти добрые люди, – заговорил арестант и, торопливо прибавив: – игемон, – продолжал: – ничему не учились и все перепутали, что я говорил. Я вообще начинаю опасаться, что путаница эта будет продолжаться очень долгое время. И все из-за того, что он неверно записывает за мной¹⁰.

Действительно ли между пародией Бездомного, а свидетельством Воланда качественная разница? Как пишет Надежда Дождикова: «в художественной литературе тех лет, обращавшейся к евангельскому сюжету, мотивы безумия

⁶ См. М. Элиаде, *Священное и мирское*, пер. с фр. Н. К. Гарбовский, Москва 1994, с. 18. (См. С. Шкуро, *Феноменология мифа* http://kds.eparhia.ru/bibliot/dipl/shkuro/gl_1/ 10.09.2011)

⁷ См.: В. Лепяхин, *Иконология и иконичность*, (в:) *Современное русское зарубежье*. Т. VI, Москва 2009, с. 379-380.

⁸ Г. Флоровский, *Затруднения историка-христианина*, [в:] *Вера и культура: Избранные труды по богословию и философии*, Санкт Петербург 2002, с. 673.

⁹ М. Булгаков, *Собрание сочинений в 10 томах...*, Том 9, *Мастер и Маргарита*, с. 168.

¹⁰ Там же, с. 184.

и обмана играли существенную роль в построении образа главного героя. (...) Эти особенности трактовки образа Иисуса в пропагандистской и художественной литературе эпохи М. Булгаков обыгрывает затем в ершалаимских главах романа – в последовательной смене реакций Пилата на странного преступника: “лгун”, “притворяющийся сумасшедшим”, “безумный преступник”, “явно сумасшедший человек”, “бродячий юродивый”. В них как будто суммированы основные пункты обвинений Иисуса в разоблачительной литературе 1920-х годов»¹¹. Вопреки «научному» атеизму отрицающему только существование Христа, литераторы 20-х заставляют Христа самого свидетельствовать против себя. Когда Иешуа спрашивает: “Разве я похож на слабоумного?” – прокуратор отвечает: “О да, ты не похож на слабоумного”, но тем самым не отвергается, но скорее подтверждается фальшивость *Евангелия*.

Отрицание в реальном историческом Иисусе Христа не связано с отрицанием «мистических планов бытия», они скорее подтверждаются незримым присутствием Воланда во время разговора Иешуа с Пилатом. „Характер этого «мира сего», – подчеркивает Константин Антонов, – как он изображен в романе, таков, что «мир иной» может быть обращен к нему только своей жуткой, демонической стороной. Церкви, которая могла бы быть звеном, связующим этот мир с миром Света, с Царством Божьим, в романе нет, и Булгаков достаточно реалистичен, чтобы показать нам истинного правителя «мира сего»”¹². Создается своего рода антиевангелие, раскрывающее уже не реальность присутствия Бога в истории человечества, но реальность присутствия демонических сил на уровне глубокого бытийного уровня человеческой истории. Ведь уже не Отец свидетельствует о Сыне, но Воланд подтверждает историчность существования Иешуа. В версии Воланда Иешуа является скорее исцелителем и философом, кротким и непрактичным мечталем, человеколюбом.

В числе прочего я говорил, – рассказывал арестант, – что всякая власть является насилием над людьми и что настанет время, когда не будет власти ни кесарей, ни какой-либо иной власти. Человек перейдет в царство истины и справедливости, где вообще не будет надобна никакая власть¹³.

Бродячим философом Иешуа отрицается правда *Евангелия*. Свидетельство о Христе не является свидетельством о Истине и одновременно о том, Кто сам является Правдой, но свидетельство о добром человеке, или лучше сказать свидетельством о том, что Иешуа был просто человеком. «Зачем же ты, бро-

¹¹ Н. Дождикова, *Чем был недоволен Берлиоз?, О романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и «проблеме Христа»*, (http://palomnic.org/bibl_lit/obzor/bulg/12/)

¹² К. Антонов, *Глаза души. Еще раз о романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»*, (<http://www.bogoslov.ru/text/412422.html> 20.06.2011.)

¹³ М. Булгаков, *Собрание сочинений в 10 томах...*, Т. IX, *Мастер и Маргарита*, с. 192.

дяга, на базаре смущал народ, рассказывая про истину, о которой ты не имеешь представления? Что такое истина?»¹⁴

Мы помним, что на вопрос Пилата – что такое истина? – Христос отвечает в *Евангелиях* молчанием, которое достаточно красноречивое, чтобы быть понятным для тех, кому очевидны истинность и чудо самого Христа. В молчании Христа отождествляется божественное молчание и божественная очевидность. Смысл этого молчания в *Евангелие* ясен – Христос молчит, потому что на вопрос Пилата, – что есть истина? возможен один ответ – это Он сам.

В *Евангелие* Слово имеет визуальную природу. – пишет Владимир Колотаев, – Оно не нуждается в артикуляции, так как верующий слышит Ее глазом, а Говорящий о Ней говорит своим видом. Зачем говорить об Истине, если Она воочию явлена вопрошающему, стоит перед ним в образе Сына Человеческого? Провокационный вопрос Пилата об истине остался без ответа еще и потому, что предполагаемый ответ – „Я есмь Истина, разве не видишь?“¹⁵

Но в антиевангелии Воланда Иешуа охотно отвечает Пилату: «Истина прежде всего в том, что у тебя болит голова, и болит так сильно, что ты малодушно помышляешь о смерти»¹⁶. Как замечает Мирер, тоже самое говорит Иван Карамазов при явлении черта: «Я теперь весел, только в виске болит». Головная боль обозначает в *Мастере* контакт с сатаной. Ноет висок у Маргариты перед явлением Азazelло; у обоих любовников тот же левый висок ноет перед смертью; болит голова у Пилата и у Лиходеева. В своем пронизательном ответе образ Иешуа отождествляется с образом черта или, лучше сказать, несет некую демоническую смысловую нагрузку¹⁷.

В рассказе Воланда Иешуа не только охотно отвечает на вопрос Пилата. Ответ Иешуа, прерывающий его молчание, является отрицанием Его божественности. Тем самым Воланд, свидетельствуя о реальности суда над Иешуа, научно отрицает Его божественность, или заставляет самого Иешуа отрицать свое Сыновство, и замечание Берлиоза совершенно справедливо: «Ваш рассказ чрезвычайно интересен, профессор, хотя он и совершенно не совпадает с евангельскими рассказами»¹⁸.

Воланд для своего антиевангелия выбирает из жизни Иисуса лишь факт суда у Пилата, рассматривая суд и крест не как событие в истории спасения,

¹⁴ Там же, с. 186.

¹⁵ В. Колотаев, *Роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» как форма психотической защиты*, [в:] *Russian Itago 2001, Исследования по психоанализу культуры*, Санкт Петербург, 2002. с. 455-482, (<http://kogni.narod.ru/kolot2.htm>)

¹⁶ М. Булгаков, *Собрание сочинений в 10 томах...*, Том 9, *Мастер и Маргарита*, с. 186.

¹⁷ См. А. Мирер, *Этика Михаила Булгакова* (<http://ulera.net/view/31415/26> 20.05.2011.)

¹⁸ М. Булгаков, *Собрание сочинений в 10 томах...*, Т. IX, *Мастер и Маргарита*, с. 208.

но как событие прежде всего биографическое. Своеобразная этическая проповедь исторического Иисуса начинает здесь играть решающую роль. Ведь именно она не требует веры, и именно проповедь Иешуа становится центральной в рассказе Воланда¹⁹.

Пилат является излюбленной фигурой многих Апокрифиф. В антиевангелии Воланда, как в христианских апокрифах Игемон мучительно расплачивается за казнь Иешуа. На Руси из апокрифических *Евангелий* особенно были известны три: Иакова, Фомы и Никодима. *Евангелие от Никодима*, о которой не мог не знать Булгаков, заключает в себе подробности о смерти Христа, и так называемые «Деяния Пилата». В ней рассказывается о суде над Христом. В центре этого апокрифа именно суд, цель *Евангелия* показать, что даже враги видели божественность Спасителя и преклонялись перед ним. «Деяния Пилата» Воланда показывают, что именно Пилат последний друг философа и исцелителя не видит Его божественности, а свидетельство божественности Христа – это свидетельство полоумных учеников, от которых отказывается Он сам.

В антиевангелии Воланда наступает разрыв между личностью исторического Иисуса и Христа веры²⁰. Противопоставления реального Иисуса и евангельского Христа – главная черта антиевангелия Воланда. «Заграничный ученный» не столько отрицает существование Христа, сколько подчеркивает разрыв между Иисусом историческим и Христом первых *Евангелий*, ведь именно *Евангелии* утверждают божественность Христа, в них содержится парадоксальное утверждение о том, что некое историческое событие – а именно исторический Иисус и его судьба – являются эсхатологическим событием. Воланд не может допустить связи между Иисусом и Христом. И поэтому создает совсем другой образ не Иисуса, но Иешуа. На вопрос тождествен ли исторический Иисус Христу Воланд отвечает отрицательно. Демонизм у Булгакова выступает не как отрицание существования Иисуса, но как отрицание истинности образа Христа данного в *Евангелиях*.

---

¹⁹ Александр Мирер показывает в своей книге *Этика Михаила Булгакова*, как последовательно Булгаков лишает образ Иешуа черт евангельского Христа. Иешуа Га-Ноцири – это, по мнению исследователя, воплощенная гуманистическая этика в чистом виде.

²⁰ Святитель Иоанн Златоуст подчеркивал, что хотя диавол знал, что Иисус является Сыном Божьим, однако пребывал в недоумении, видя Христа алчущим. Искусителю была неведома тайна Богочеловечества Спасителя: «После того как слышал уже голос, снишедший с неба и свидетельствующий: *сей есть Сын Мой возлюбленный* (Матф. III, 17), слышал столь же славное о Нем свидетельство Иоанново, искуситель вдруг видит Его алчущим. Это приводит его в недоумение: припоминая сказанное об Иисусе, он не может поверить, чтобы это был простой человек; с другой стороны, видя Его алчущим, не может допустить, чтобы это был Сын Божий». Свт. Иоанн Златоуст, *Толкование на Святого Матфея Евангелиста*, (<http://mystudies.narod.ru/library/i/in-zlat/07/13.html> 20.06.2011.) (См. *Толкование на святого Матфея евангелиста. Беседа XIII*, <http://www.pravoslavie.ru/sm/print7017.htm> 19.07.2011)

Не случайно Иван в своей погоне за Воландом присваивает иконку. Икона является христологичным доказательством божественности Христа. Почитание икон занимает в православии центральное место, защищая икону, Церковь тем самым защищала самую основу христианской веры – Боговоплощение. Теперь становится понятным, почему Бездомный создает не столько пародию на Христа, сколько именно антиевангелие, сущность его произведения раскрывается в черновых вариантах романа²¹. У поэта повторяется главный демонический мотив: отрицание божественности Христа, при признании его исторической реальности. А уже только это способно превратить *Евангелие* в пародию этических проповедей «исторического» Иисуса о «доброте добрых людей».

В первой главе во время разговора с Берлиозом (Владимиром Мироновичем) Иванушка (Антоша) рисует прутиком на песке «безнадежный, скорбный лик Христа», но в пенсне, поскольку изображение Христа – часть карикатуры. Воланд появляется именно в момент обсуждения рисунка и проявляет к нему живейший интерес. Подойдя к приятелям и разглядев рисунок, Воланд констатирует портретное сходство: «Ба! – вскричал он... – Кого я вижу? Ведь это Иисус! И исполнение довольно удачное...»²².

Икона живописная и *Евангелие* – словесная икона Христа дополняют друг друга, подобно и антиевангелие дополняется антииконой. Связь поэмы Ивана и изображением Иисуса очевидна, если обратим внимание, что в содержании и композиции иконы всегда лежит слово, т.е. какой-либо священный текст, который составляет неизменную основу сюжета любой иконы. Какой именно этот текст? Конечно – это написанная Бездомным поэма.

И как антиикона изображенная Иваном является поводом появления Воланда, так икона, которую находит Иван, должна послужить изгнанию нечистой силы из Москвы. В своей погоне за Воландом Иванушка заходит в чужую квартиру и там на кухне в углу он видит забытую икону в киоте, а под ней прищипленную к обоям маленькую иконку и две венчальные свечи. Иван уносит с собой одну свечу и бумажную иконку. В «Доме Грибоедова» он появляется уже с зажженной венчальной свечой в руке, бумажная иконка приколотая у него на груди. Здесь наконец иконка описывается более подробно. Оказывается, на ней изображен какой-то святой, но изображение стерто и узнать святого невозможно. Важный «иконный» эпизод происходит в клинике. Врач спрашивает у Ивана, какие меры он принял, чтобы поймать «иностранного консультанта», и Иван в числе самых первых «мер» называет иконку и свечу.

В черновиках романа гораздо более значительна и предельно расшифрована, по сравнению с окончательным вариантом романа, роль бумажной иконки.

---

²¹ «Антиикона – пишет Владимир Лепехин, – активно стремится заслонить собой икону, предлагает себя вместо иконы», В. Лепехин, *Иконология и иконичность*,... с. 390.

²² М. Булгаков, *Собрание сочинений в 10 томах*..., Т. V, *Мастер и Маргарита. Черновые варианты романа. Тетрадь 1. 1928-1929 гг.* с. 462.

Во-первых, Иконка, приколотая Иваном, не безымянная. На ней изображен Сам Спаситель. Нельзя не обратить внимания и на то, что, по некоторым черновикам, в руке Ивана не венчалъная, а четверговая свеча, с которой стоят в церкви на Страстной седмице во время чтения *Двенадцати Евангелий*, включающих повествования о распятии Иисуса Христа²³. Так что и четверговая свеча не случайна, но глубоко символична. Во-вторых, в сцене появления Ивана в «Доме Грибоедова» иконочка приколата Иваном английской булавкой к голому телу. Грудь его покрыта запекшейся кровью, и Иван объясняет, что сделано это, дабы «кровушку выпустить», дабы принять добровольное страдание за Христа. Для Ивана нет никакого сомнения в том, что он совершил кощунство, осквернение святыни: «Я Господа нашего Христа истоптал сапожищами...». В-третьих, для поимки Воланда Иван собирается вызвать мотоциклистов и при этом делает важное уточнение: «Предупредите только, чтобы иконочки нацепили на грудь, непременно с иконками, а если иконок не будет хватать, пушай крестное знамение кладут так... эдак...». И Иван показывает, как это надо делать²⁴.

Андрей Кураев утверждает, что главы о Пилате пишет Воланд в соавторстве с Мастером. «Изначально у Булгакова все было очевидно: автор «романа о Пилате» – Воланд. Но по мере переработки романа «исполнителем» рукописи становится человек – Мастер»²⁵. Как утверждает Кураев авторство «черного евангелия» выстраивается многоступенчато – как и в случае с евангелиями церковными. В богословии различаются «Евангелие Христа» и «Евангелие от Матфея». «Евангелие Христа» – это проповедь самого Христа. Четыре «Евангелия от...» – это передача проповеди Христа четырьмя различными людьми. Вот также и у Булгакова после передачи Мастеру пера, набрасывающего «роман о Пилате», начинает различаться «евангелие Воланда» и «евангелие от Мастера». Автором первого является непосредственно сатана, а вот литературное оформление второго передается человеку – Мастеру²⁶.

Но события на Патриарших прудах заставляют признать еще одного автора антиевангелия и аникконы. Ведь только Иван в состоянии предложить «христологический довод» действительно отвергающий антиевангелие Воланда и мастера. «Ну да, иконка... – Иван покраснел, – иконка-то больше всего и испугала»²⁷. Не случайно только образ Ивана раздваивается, на нового и ветхого, на человека веры и человека «научной истины». Итак, весь дискурс Ивана,

²³ См. М. Чудакова, *Жизнеописание М. А. Булгакова*, Москва, 1988, с. 522.

²⁴ М. Булгаков, *Собрание сочинений в 10 томах...*, Том 5, *Мастер и Маргарита*. Черновые варианты романа. Тетрадь 1. 1928-1929 гг., с. 480. (См. В. Лепяхин, *Икона в русской художественной литературе*, Москва 2002, с. 683-685.)

²⁵ См. А. Кураев, *Мастер и Маргарита: за Христа или против?*, (<http://www.interfax-religion.ru/bulgakov/5.html> 20.06.2011.)

²⁶ См. Там же.

²⁷ М. Булгаков, *Собрание сочинений в 10 томах...*, Т. IX, *Мастер и Маргарита*, с. 237.

на всем протяжении романа, имеет двойственную структуру, это – сочетание, соприсутствие и параллельное развитие дискурса анти и про *Евангелия*. Иван как и герой Достоевского Иван Карамазов пребывает в обоих взаимоисключающих полюсах некой фундаментальной альтернативы²⁸. Раздвоение души Ивана в этом случае созвучно раздвоению образа Христа в его творчестве: противопоставлению Христа Евангелия его двойнику, лжеподобию Христа – Иешуа историческому: «О чем, товарищи, разговор! – возражал новый Иван ветхому, прежнему Ивану, – что здесь дело нечисто, это понятно даже ребенку. Он личность незаурядная и таинственная на все сто. Но ведь в этом-то самое интересное и есть!»²⁹.

SUMMARY

The Gospel of Ivan Bezdomny

Mikhail Afanasyevich Bulgakov was a Soviet Russian writer. He is best known for his novel *The Master and Margarita*. Ivan Nikolaevich Ponyrev, alias «John the Homeless,» remains one of Bulgakov's most controversial characters. His long antireligious poem is critiqued by Berlioz in the first chapter because his Jesus turned out «too alive, a Jesus who exists.» They are discussing the historical truth of Jesus when Woland interrupts their conversation and tells them the story of the crucifixion vertelt as if he had been present. Bezdomny has been identified variously as a parody of Dostoevsky's Ivan Karamazov. Bezdomny portrayed Christ as a negative, but actual character. Ivan, as his very name suggests, is a major source of the demonic icons images.

---

²⁸ «Последней иллюстрацией сказанного может служить Эпilog романа, заканчивающийся, как известно, той же знаменитой фразой и играющий, мне кажется, огромную роль и в композиции, и в идейном замысле произведения. Он не просто доводит до завершения оборванные второстепенные московские сюжетные линии. Вновь подчеркивая трагическую двойственность нашей обиденности, Булгаков именно здесь придает ей новый, положительный смысл: иной, духовный мир оказывается всегда присутствующим в этом повседневном мире и тайно направляющим его движение. Покинутая Москва, Пилат и Иешуа, Маргарита и Мастер вновь соединяются в большом сознании «бывшего поэта» Ивана Николаевича, единственного ученика Мастера. Мы вновь и как бы вместе с ним вспоминаем чувства, пережитые нами в связи с этими образами, и вместе с ним успокаиваемся, когда Иешуа, делая бывшее небывшим, освобождает Пилата от тяжести его преступления. Тонкая перегородка отделяет эту тайную жизнь Ивана Николаевича от явной, в которой для всего этого, конечно, не находится места (мы, однако, не знаем, чем занимается он в качестве историка – уж и в самом деле, не пишет ли продолжение?). Ему, однако, не дано, по слову Платона, «повернуть глаза души» и преодолеть глубоко запрятанную внутреннюю раздвоенность». К. Антонов, *Глаза души. Еще раз о романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»*, (<http://www.bogoslov.ru/text/412422.html> 20.06.2011.)

²⁹ Там же, с. 301.